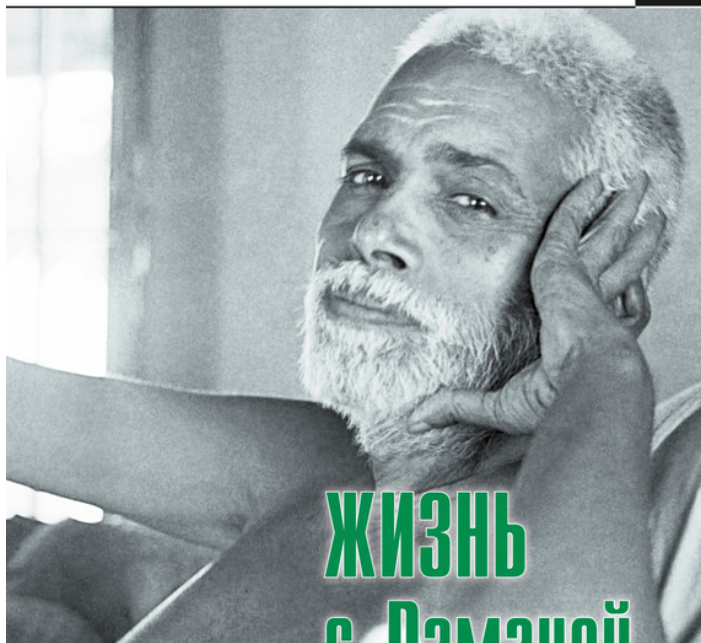

Дэвид Гогман

Воспоминания
АННАМАЛАЯ
Свами

ЖИЗНЬ с Раманой Махарши

Дэвид Годман

Жизнь с Раманой Махарши

<http://litres.ru/>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2898805

Жизнь с Раманой Махарши/Дэвид Годман; пер. с англ. Н. Бабурова:

Ганга; Москва; 2011

ISBN 978-5-98882-131-1

Аннотация

Бхагаван Шри Рамана Махарши (1879–1950) широко признан одним из величайших индийских духовных учителей современности. Он вел простую аскетическую жизнь, относился с одинаковым уважением и вниманием ко всем приходящим к нему за помощью и, возможно, самое главное: без усилий излучал энергию, которая у находящихся рядом с ним вызывала ощущение покоя и благоденствия. В присутствии Бхагавана осознание себя отдельной личностью часто уступало место осознанию имманентного Я. В присутствии Бхагавана часто происходили необычные события и глубокие переживания. Глубочайшая трансформация случилась и со Свами Аннамалаем (близким учеником Раманы Махарши), который провел много лет в бескорыстном служении своему учителю. В книге приводится много интересных, не публиковавшихся ранее историй о Бхагаване и его почитателях, живших рядом с ним, правдиво и непредвзято рассказанных Свами Аннамалаем.

Рамана Махарши предстает на страницах этой книги таким, каким он был на самом деле, без попыток приукрашательства и замалчивания «неудобных» моментов. Книга написана увлекательно и воодушевляюще.

Содержание

Предисловие	5
Приход к Бхагавану	13
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дэвид Годман

Жизнь с Раманой Махарши

Воспоминания

Аннамалая Свами

Предисловие

Бхагаван Шри Рамана Махарши широко признан одним из величайших индийских духовных учителей современности. В 1896 году еще будучи шестнадцатилетним юношей, он пришел к реализации Я во время драматичного переживания смерти, длившегося около двадцати минут. Поскольку до того момента ему не приходилось иметь дело с духовным поиском и с соответствующей практикой, то поначалу это переживание его озадачило. Первые несколько недель после реализации он попеременно думал, что либо в него вселился некий дух, либо сразило странное, но весьма приятное заболевание. Он никому не сказал о своем опыте и попытался продолжить жить как обычный южноиндийский школьник. В последующие дни это ему почти удавалось, но где-то спустя шесть недель мирская рутина школьной и семейной жизни настолько опостылела ему, что он решил покинуть дом

и найти место, где смог бы спокойно пребывать в переживании Я без неуместного вмешательства и помех.

Он решил отправиться к Аруначале, знаменитой священной горе, расположенной в ста двадцати милях к юго-западу от Мадраса. Выбор был далеко не случаен: в ранние годы он всегда чувствовал благоговение при упоминании имени Аруначалы. По сути, прежде чем его неверное представление было развеяно родственником, он думал, что Аруначала – это некий небесный мир, а не находящееся на земле место паломничества, куда можно добраться на общественном транспорте. В более поздние годы он говорил людям, что Аруначала – его Гуру, и иногда утверждал, что именно сила Аруначалы привела его к реализации, а позднее – вызвала притяжение к своей физической форме.

Юный Рамана Махарши приложил немалые усилия, чтобы никто из его семьи не узнал, куда он отправился. Он тайно покинул дом и три дня спустя, проделав полный приключений путь, добрался до Аруначалы. Оставшиеся пятьдесят четыре года своей жизни он провел на священной горе либо у ее подножия, не желая покидать ее даже на день.

В первый же день по прибытии он выбросил все свои деньги и пожитки, кроме набедренной повязки, обрил голову в знак духовного отречения от мира и нашел спокойное место на территории главного храма Аруначалы, где мог сидеть, никем не тревожимый. Последующие четыре или пять лет почти все свое время он проводил, сидя с закрытыми глаза-

ми в различных храмах и у алтарей, полностью погруженный во всепоглощающее осознание Я. Время от времени ему приносили еду сочувствующие посетители или паломники, позднее – постоянный служитель, однако, за исключением недолгого периода, когда он покинул свое место и отправился просить подаяние, он не выказывал никакого интереса к своему телесному состоянию или же к событиям во внешнем мире, происходящим вокруг него.

В 1901 году он перебрался в пещеру Вирупакша, расположенную в трехстах футах вверх по горе за главным храмом, и оставался там большую часть последующих четырнадцати лет. Со временем он начал проявлять некоторый интерес к посетителям, которые приходили увидеть его, однако разговаривал редко. Он по-прежнему предпочитал проводить большую часть дня, сидя в молчании или бродя по склонам Аруначалы. К нему стали привлекаться преданные, еще когда он неподвижно сидел в храме. К тому времени как он перебрался в пещеру Вирупакша, у него уже была небольшая группа последователей, которая время от времени пополнялась заходящими паломниками.

В санскрите есть слово «тапас», которое означает интенсивную духовную практику, сопровождаемую физическим самоотречением или даже умерщвлением плоти, благодаря чему духовная нечистота постепенно сгорает. Некоторые люди тянулись к нему, поскольку чувствовали, что человек, выполняющий столь интенсивный тапас (в первые годы в хра-

ме он часто сидел без движения дни напролет), должен обладать огромной духовной силой. Другие стремились к нему, потому что явственно ощущали излучение любви и радости, исходящее от его физической формы.

В последние годы своей жизни Рамана Махарши недвусмысленно давал понять, что в молодости, находясь у Аруначалы, он не практиковал ни одну из форм тапаса или медитации. Если его когда-либо спрашивали об этом, он отвечал, что Я-реализация случилась с ним во время переживания смерти в родительском доме в 1896 г. и что последующие годы, проведенные в безмолвном, неподвижном сидении, были всего лишь ответом на внутреннюю потребность оставаться полностью погруженным в переживание Я.

В последние годы в пещере Вирупакша он начал разговаривать с посетителями и отвечать на их духовные вопросы. Он никогда не хранил молчание полностью, но в самом начале пребывания на Аруначале говорил редко и был немногословен. Его учение возникло из его собственного внутреннего переживания Я, а не под влиянием адвайта-веданты, древней и заслужившей авторитет школы индийской философской мысли, которая утверждает, что Я (Атман), или Брахман, – единственная существующая реальность и что все феномены есть неделимые проявления, или видимости, внутри нее. Окончательная цель жизни, согласно Бхагавану и другим учителям адвайты, – выйти за пределы иллюзии того, что ты – отдельная личность, функционирующая по-

средством тела и ума в мире отделенных, взаимодействующих между собой объектов. Достигнув этого, ты осознаешь, чем на самом деле являешься: Я, которое есть имманентное бесформенное сознание.

В 1890 г. семье Раманы Махарши удалось выяснить, где он находился, однако он отказался возвращаться в родительский дом. В 1914 г. его мать решила отправиться к сыну на Аруначалу и провести оставшиеся ей годы рядом с ним. В 1915 г. с группой преданных, живших в пещере Вирупакша, она перебралась выше по склону, в Скандашрам – маленький ашрам, который был построен специально для него одним из первых преданных.

До этого преданные, жившие с Раманой Махарши, ходили в соседний город за подаянием. В индуистской религиозной традиции люди, отрекшиеся от мира, называемые *садху* или *санньясинами*, зачастую поддерживают свое существование таким образом. Нищенствующие монахи всегда были частью индуистской традиции, и на тех, кто просит подаяния из религиозных соображений, нет клейма осуждения. Когда Бхагаван (в дальнейшем я буду называть его в основном этим именем, поскольку так звали его практически все преданные) переехал в Скандашрам, его мать начала регулярно готовить еду для всех его обитателей. Вскоре она стала пылкой преданной своего сына и достигла такого быстрого духовного прогресса, что милостью и силой Бхагавана сумела реализовать Я в момент своей смерти в 1922 году.

Ее тело было похоронено в долине, примыкающей к южным склонам Аруначалы. Несколькими месяцами спустя Бхагаван, побужденный тем, что позднее он назвал «божественной волей», покинул Скандашрам и отправился жить рядом с небольшой гробницей, возведенной над ее телом. В последующие годы вокруг этого места вырос большой ашрам. Приезжие со всей Индии, а позднее и из-за границы, приходили сюда к Бхагавану, чтобы получить совет, благословение или просто насладиться его излучающим покой сиянием. К моменту своей смерти в 1950 г. в возрасте семидесяти лет он стал чем-то вроде национального символа – физическим воплощением всех самых прекрасных сторон индуистской традиции, уходящей в глубину тысячелетий.

Его слава и притягательная сила не объясняются сотворенными им чудесами. Он не выставлял напоказ особые способности и с насмешкой относился к тем, кто делал это. Не повлияло существенным образом на его славу и его учение. Да, он восхвалял достоинства мало известной на ту пору духовной практики, однако большинству аспектов его учения учили поколения Гуру и до него. То, что покоряло умы и сердца приходящих к нему людей, – это ощущение святости, которое немедленно возникало в его присутствии. Он вел простую аскетическую жизнь; он относился с одинаковым уважением и вниманием ко всем преданным, которые приходили к нему за помощью; и, возможно, самое главное: без усилий он излучал энергию, которая у всех находящихся

рядом с ним вызывала ощущение покоя и благоденствия. В присутствии Бхагавана осознание себя отдельной личностью часто уступало место полному осознанию имманентного Я.

Бхагаван не пытался генерировать эту энергию, как и не пытался он приложить сознательное усилие, чтобы изменить окружающих его людей. Передача силы была спонтанной, безуильной и непрерывной. Если в результате нее случались трансформации, то происходило это благодаря состоянию ума воспринимающего, а не каким-либо решениям, желаниям или действиям Бхагавана.

Бхагаван прекрасно знал об этих излучениях и часто говорил, что передача энергии – самая важная и непосредственно воздействующая составляющая его учения. Устное и письменное учение, которое он давал, как и различные техники медитаций, им рекомендованные, предназначались, по его словам, лишь для тех, кто не был способен сонастроиться с потоком милости, который он непрерывно эманировал.

Множество людей писало о жизни Бхагавана, о его учении и том опыте, которые различные преданные переживали в его присутствии. Прошло более сорока лет с момента смерти Бхагавана, и можно извинить того, кто предполагает, что фактически все значимые истории о Бхагаване в той или иной форме уже напечатаны. Так склонен был считать и я до 1987 г., пока не отправился брать интервью у одного из старейших преданных Бхагавана по имени Аннамайя Свами. Вскоре я вынужден был пересмотреть свою точку зрения. В

течение нескольких недель он рассказал мне так много интересных, не публиковавшихся ранее историй о Бхагаване и преданных, живших рядом с ним, что я решил записать их в форме рассказа от первого лица и опубликовать. Аннамай Свами дал мне свое разрешение и впоследствии прочитал мой рассказ, чтобы убедиться, что все его истории переданы верно. Я снабдил этот рассказ собственными комментариями. Большинство из них объясняет непонятные места в тексте, некоторые же дают фоновый план или дополняют его схожими историями, которые не были известны Аннамай Свами.

Я хочу поблагодарить Шри С. Сундарама, выступившего в роли моего переводчика, Кумара Свами за перевод на английский язык дневника Аннамай Свами, Сатью за расшифровку всех бесед, которые идут в заключительной главе, Шри Раманашрамам за разрешение использовать фотоматериалы из его архива, Н. Сутару за любезную помощь при редактировании, а также Джагрути и несколько других членов Сатсанга Бхавана в Лакнау за набор и подготовку окончательной редакции.

Дэвид Годман

Лакнау, Индия, март 1994 г.

Приход к Бхагавану

Я родился в 1906 году в Тонданкуричи, деревушке примерно в двести домов. Мой отец, человек многих талантов, был в деревне уважаемой личностью. Будучи фермером, астрологом, художником и строителем, он помимо того знал толк в изготовлении статуй и сооружениях *гопурам* (городских башен). Вскоре после моего рождения отец встретился с другим астрологом, чтобы обсудить мой гороскоп. Оба они пришли к выводу, что я с большой долей вероятности мог стать *санньясином* (индуистским монахом, отказавшимся от всех связей с семьей и миром). Мой отец, недовольный этим предсказанием, решил предотвратить подобное развитие событий, лишив меня должного образования. Он посчитал, что если я никогда не научусь толком читать и писать, то никогда не прочту священные писания и никогда не обнаружу интерес к Богу. Из-за веры моего отца в это предсказание я получил лишь самое поверхностное образование в местной деревенской школе. Едва я успел освоить алфавит, как меня забрали из школы и отправили помогать отцу в его работе на полях.

Отец, подозревающий, что я могу попытаться вернуться в школу без его ведома или согласия, старался принять все меры, чтобы я оставался практически неграмотным, говоря моей матери: «Если он снова пойдет в школу, не давай ему

есть».

Вскоре после того как меня забрали из школы, я, проходя через соседнюю деревню под названием Вепур, услышал, как заезжий ученый человек дает наставления.

Он говорил жителям деревни: «Быть образованным полезно. Даже если вам придется просить милостыню, чтобы прокормить себя во время обучения, вам стоит учиться как можно больше. Только с помощью образования можем мы познать тайны мироздания».

Вернувшись домой, я подошел к отцу и пожаловался: «Сегодня в Вепуре я слушал ученого, который говорил о ценности образования. Ты не разрешаешь мне ходить в школу. Почему?»

Отец уклонился от вызова, сказав: «Ох, мы всего лишь фермеры. Нам достаточно уметь писать свое имя, чтобы ставить подпись».

Поскольку меня не удовлетворили ни позиция отца, ни его ответ, я решил попробовать учиться самостоятельно. Я завладел двумя книгами – одной, содержащей рассказы о царе Викрамадитье, другой – со стихами Паттинатара¹ – и попытался сам научиться читать. По любопытному совпадению одни из первых стихотворных строф Паттинатара, которые я сумел разобрать, пророчески подытожили тот духовный путь, которому я стремился следовать большую часть своей жизни:

¹ Тамильский поэт и святой, живший в XIX в.

Тот, кто отказывается от дома,
в кроры² раз превосходит того,
кто, ведя жизнь домовладельца,
выполняет множество пуний и дхарм³.
Тот, кто отказывается от ума,
в кроры раз превосходит того,
кто отказывается от дома.
Тот, кто вышел за пределы ума
и всякой двойственности, —
как выразить мне величие этого человека?

Хотя я никогда не встречался с утверждением, подобным этому, я всегда обладал природной склонностью к духовной жизни. Никто никогда не говорил со мной о религиозных вопросах, но каким-то образом я всегда знал, что существует высшая сила, называемая «Богом», и что цель жизни — достичь этого Бога. Инстинктивно, без внушения со стороны, я чувствовал: все, что я видел, было некоторым образом иллюзорно и нереально. Эти мысли вместе с идеей о том, что в этом мире мне не следует привязываться к чему бы то ни было, были частью моего сознания даже в самые ранние годы моего отрочества.

Мне вспоминается один случай, который произошел, когда мне было всего шесть лет. Я гулял с матерью недалеко от

² Десятки миллионов.

³ Добродетельные поступки, согласные предначертанию.

деревни, когда мимо нас прошел *садху* в оранжевом облачении. Я спросил мать: «Когда я стану таким же *санныясином*?» и, не дожидаясь ответа, отправился по дороге вслед за *садху*.

Пока шел, я слышал, как моя мать с раздражением говорила местной женщине: «Посмотри, какой негодный мальчишка! Даже в таком малом возрасте он пытается стать *садху*⁴».

Мой отец, к несчастью, не разделял моих религиозных наклонностей. Он тщательно выполнял *пуджу*⁵ ежедневно по полчаса, но его побуждения были исключительно материальными.

Однажды, все еще будучи маленьким мальчиком, я спросил его: «Для чего ты выполняешь эту *пуджу* каждый день?» Он ответил: «Я хочу иметь богатство, иметь землю, я хочу иметь золото и много денег».

Я сказал: «Все эти вещи тленны. Зачем ты молишься об этих преходящих вещах?» Отец был удивлен, что в столь юном возрасте я обладаю пониманием таких материй. «Откуда ты знаешь, что эти вещи тленны?» – спросил он. «Я знаю, поэтому и говорю тебе», – ответил я. Знание было внутри меня, но я не мог выразить его или как-то рациональ-

⁴ В буквальном смысле «садху» означает «благородный человек». Этот термин чаще используется для описания того, кто полностью следует индуистскому духовному пути, особенно если ради этого он оставил свой дом. Санныясинов, официально отказавшихся от всех связей с миром для того, чтобы посвятить себя духовному поиску, часто называют садху.

⁵ Церемониальное поклонение индуистскому божеству.

но объяснить.

Когда отец обнаружил мой интерес к духовным вопросам, то попытался мне помешать. Он создал множество помех на моем пути и лишь через много лет наконец сдался и признал, что стать *садху* было моим предназначением.

Пока я был еще достаточно мал, деревенские жители считали меня своего рода маскотом (талисманом удачи). Когда кто-нибудь принимался строить новый дом, меня просили заложить первый камень. Меня просили вырвать первый сорняк, когда в полях начиналось прореживание посевов, а на свадьбах – коснуться статуи Ганapati в начале церемонии. Самой приятной обязанностью, однако, было поедание сладостей. Когда по случаю каких-либо торжеств жители деревни готовили сладости, меня приглашали отведать их. Я не знаю, когда односельчане начали верить в то, что я приношу им удачу, и как они пришли к такому заключению, но эта традиция продолжалась до тех пор, пока мне не исполнилось тринадцать лет.

Некоторые люди, похоже, наделены даром исключительной удачи, до такой степени, что все, что они делают, обречено на процветание и успех. В Тамил Наду таких людей часто называют «Золотой Рукой». Они очень востребованы как инаугураторы фестивалей и социальных мероприятий, поскольку считается, что любое начинание с их легкой руки будет успешным.

Рамана Махариши тоже носил прозвище «Золотая

Рука». В юности он часто играл с друзьями в футбол, и вскоре было замечено, что та команда, на чьей стороне он играл, неизменно выигрывала. Аннамалай Свами, по всей видимости, обнаружил схожий дар удачи, раз его считали деревенским маскотом.

Мне никогда не было свойственно стадное чувство. Вместо того чтобы проводить время с другими жителями деревни, я искал безлюдные места, где мог сидеть и практиковать внутреннюю тишину. Моим любимым местом был храм Винаяки в лесу рядом с деревней. Я часто уходил туда и молился божеству. В те дни я был настолько несведущ в религиозных обрядах, что не знал даже, как правильно простираться ниц перед *мурти*; я научился этому, лишь повторяя движения за маленькой девочкой, которая пришла в храм и выполнила замысловатую *ашитангу намаскарам*⁶ перед храмовой статуей.

Ближе с религиозными обрядами я познакомился во время посещения Вриддхачалама, шиваистского паломнического центра по соседству с моей деревней. Я понаблюдал за тем, как некоторые брахманы выполняют *анушитаны*⁷, и попросил их посвятить меня в эти практики. Они отказались, объяснив это тем, что шудрам (членам низшей касты) запре-

⁶ Это полное простирание, во время которого земли касаются восьмью различными частями тела.

⁷ *Анушитаны* включают в себя широкий спектр обрядовых практик, которые обычно исполняются только *брахманами*. Некоторые из них религиозные, остальные же связаны лишь с личной гигиеной.

щено практиковать эти обряды.

Вскоре после этого я увидел, как шиваиты (почитатели Шивы), не принадлежащие к касте брахманов, выполняют те же ритуалы. По всей видимости, они научились выполнению ритуалов по книге, содержащей их детальное описание. Я научился *ануштанам* у этой группы и, вернувшись в свою деревню, регулярно выполнял их. Мой отец, несмотря на его достаточно циничное отношение к религии, несколько ранее посвятил меня в *Сурью Намаскарам* – широко известный ритуал, при котором нужно повторять некоторое

количество мантр и затем делать простирации перед восходящим солнцем. Новые ритуалы я добавил к этому, уже преподанному мне моим отцом.

Я усвоил еще одну практику: каждый месяц, в день *экадаси* (одиннадцатый день после каждого полнолуния и новолуния), я пытался медитировать всю ночь без сна. Вскоре я обнаружил, что, пытаясь медитировать в положении сидя, я засыпаю. Я попробовал медитацию в движении, но даже это не сработало – я засыпал на ходу. После небольших экспериментов я обнаружил, что могу побороть сон, принимая ванну в местной реке и втирая песок в бедра, чтобы вызвать боль. Я также жевал кусочек табака, потому что мне сказали, что это помогает удерживать ум в *раджогуне*.

Согласно индуистской философии, все творение обладает тремя чередующимися свойствами, называемыми гунами: саттва (гармония), раджас

(активность) и тамас (инертность). Эти три свойства также поочередно возникают в уме. Жевание табака стимулирует раджас и поддерживает в состоянии бодрствования и активности.

В юности я очень любил выставлять напоказ свою набожность, чтобы продемонстрировать приверженность религиозной жизни. Я носил белую *дхоти*⁸, покрывал голову наподобие Рамалинги Свами⁹ и толстым слоем наносил *вибхути* (священный пепел) на лоб и тело. В то время я был преданным поклонником Рамалинги Свами: в деревне я видел его фотографию, которая впечатлила меня настолько, что я посетил Вадалур, место его *самадхи* (место, где его тело исчезло в синем свете).

Будучи совсем юным подростком, я достал копию десятой главы книги под названием «Джива Брахма Аикья Веданта Рахасья». Я обучился техникам *пранаямы*¹⁰ по этой книге и начал практиковать их в лесном храме. Чтение этой книги вызвало во мне сильное желание более основательно изучить святые писания. В обычной ситуации для такого мальчика, как я, это представляло бы крайнюю сложность, но удивительное стечение обстоятельств вскоре позволило мне осуществить желаемое. У *карнама* (правительственного счетовода) нашей деревни было много книг религиозного содер-

⁸ Отрез ткани, который повязывают на бедрах наподобие юбки.

⁹ Тамильский святой XIX в.

¹⁰ Йогические дыхательные упражнения.

жания, которые он унаследовал от своего отца. У него не было времени на их чтение, так как он был *карнамом* в трех различных деревнях. Он вел столь занятую жизнь, что часто даже не имел возможности вернуться домой переночевать. Его жена, глубоко верующая женщина из Тируварура, разрешила мне приходить в их дом и читать те книги. Каждый день она готовила еду, приносила ее к статуе Ганапати, которая стояла в их доме, а затем отдавала еду мне. Сама она ела только после того, как я съедал это подношение. В конце концов я поселился в доме *карнама*, питаюсь подношениями, которые готовила жена *карнама*. Поскольку родители мои относились неодобрительно к моему религиозному рвению, я совсем перестал бывать в родительском доме. Во время этого отчуждения, длившегося три года, я ни разу не навещил их.

Изучая книги, я усвоил привычку читать их вслух. Выбор книг был большим, однако моими любимыми стали «Кайвалья Наванитам», книги о Рамакришне Парамахамсе, «Теварам» Аппара и Джнянасамбандхара, «Тирувачакам» и «Бхакта Виджая».

«Кайвалья Наванитам» — тамильская работа по философии адвайты; Рамакришна Парамахамса был бенгальским святым XIX в.; Аппар и Джнянасамбандхар были тамильскими святыми, жившими в VI в., чьи гимны во славу Шивы называются «Теварам»; «Бхакта Виджая» представляет собой

Мое чтение вскоре привлекло внимание некоторых духовно настроенных жителей деревни. В течение нескольких недель около десятка человек начали регулярно приходить в дом, чтобы послушать мое чтение. Каждый вечер, где-то с шести до десяти, я читал отрывки из этих книг. После каждого чтения мы обсуждали значение и значимость этих текстов.

Некоторые жители деревни пошли к моему отцу и сказали, что я изучаю писания и толкую их другим людям. Мой отец был удивлен, услышав об этом, так как полагал, что я так и остался неграмотным. Решив лично расследовать эти обстоятельства, он пришел и тайно подслушал одно из наших вечерних занятий.

После этого он, судя по всему, сказал: «Я больше не могу заставлять его повиноваться мне. Так что я просто представляю его Богу».

Жена *карнама* присутствовала на большинстве наших собраний. Она обнаружила сильный интерес к работам, которые мы читали вслух, стала вегетарианкой и утратила интерес к мирским делам. К сожалению, она потеряла интерес даже к своему супругу.

Однажды вечером он отвел меня в сторону и довольно сердито сказал: «Из-за твоего общения с моей женой она уподобилась свами. У нее вообще нет никаких желаний. Я больше не хочу, чтобы ты оставался в моем доме. Поищи

другое жилье».

Другие верующие услышали слова *карнама*. Один из них сказал мне: «У нас нет необходимости проводить наши чтения именно здесь. Для этой цели мы легко найдем другое место».

Поначалу для наших встреч мы думали построить простую хижину из листьев кокосовой пальмы, но под конец вечера решили, что построим основательный *матх*.

Матхи – индуистские сооружения, которые основываются с конкретной целью вроде почитания памяти святого, пения духовных песен, медитации и т. д. Самые большие, в которых, как правило, постоянно живет группа *садху*, подобны монастырям или *ашрамам*.

Каждый из нас вложил свои средства в это предприятие, и в скором времени появился Шиварам Бхаджан Матх. Я переехал в матх, как только он был закончен, и продолжил там свою *садхану*¹¹, проводя *баджаны*¹² и читая вслух учения различных святых.

Когда матх был закончен, я построил *таннир пандал*¹³ на главной дороге, проходившей через нашу деревню. С помощью нескольких приверженцев я собрал достаточное коли-

¹¹ Духовная практика.

¹² Религиозные песнопения.

¹³ Место, где путешественникам и нуждающимся предлагается бесплатная еда и питье.

чество средств, чтобы каждый день готовить *канджи* (рисовый отвар) для садху и путешественников, держащих путь через деревню.

Вскоре после того как я обосновался в *матхе*, мои родители решили предпринять последнюю попытку отлучить меня от духовной жизни. Поскольку тогда мне было около семнадцати лет, они подумали: «Если мы не предпримем мер, то скоро он наверняка станет *саннясином*. Если мы найдем для него девушку, на которой он сможет жениться, то он станет обычным семьянином и выбросит из головы всю эту духовную деятельность. Возможно, тогда он станет таким, как все».

Даже не удосужившись поинтересоваться моим мнением на этот счет, они нашли девушку, договорились обо всем с ее семьей, а затем закупили все продовольствие, необходимое для свадебной церемонии. Я узнал обо всей этой активности от одной преданно верующей женщины, приходившей в Бхаджан Матх. Как только я узнал о происходящем, я сказал родителям, чтобы они прекратили все приготовления к свадьбе, поскольку у меня не было ни малейшего намерения жениться на ком-либо.

Этот недвусмысленный отказ повиноваться родительской воле в столь важном деле вызвал в деревне глобальный переполох. Многие жители решили, что я сошел с ума, отчасти потому, что отказываюсь жениться, и отчасти потому, что я упорно стремлюсь проводить все свое время, размышляя о

Боге и распевая *баджаны*. Многие из этих людей (родителей моих среди них не было) посовещались и решили излечить меня от безумия насильственным путем. Они забрали меня из Бхаджан Матха, отвели к ближайшему озеру, сделали глубокий порез на моей макушке и принялись втирать в него лимонный сок. По всей видимости, это должно было служить лекарством от безумия. Затем они решили вылить мне на голову ведро холодной воды. Думаю, они вылили не менее пятидесяти ведер. Пока они меня так купали, я хранил молчание и практиковал *пранаяму*, чтобы отвлечь свой ум от холода. Я знал, что сопротивляться бесполезно. Когда жители деревни увидели, что я никак не реагирую на «лечение», это еще сильнее убедило их в том, что я сумасшедший. В конце концов, когда процедура «лечения» закончилась, они отвели меня в один из деревенских домов. Там они приготовили самбар (острый суп) из горькой тыквы и заставили меня его есть, потому как считали, что горькая тыква – это еще одно средство от безумия. Около ста человек пришли посмотреть на все это.

Пока я ел, один из них сказал мне: «Ты хороший мальчик, рожден в хорошей семье, но ты сошел с ума».

К этому моменту терпение мое было исчерпано. «Я не сошел с ума, – ответил я весьма раздраженно. – Пожалуйста, оставьте меня в покое. Скажи всем этим людям, чтобы они прекратили толпиться вокруг меня или дали мне комнату, где я могу остаться один».

Я не ждал никакой реакции, разве что возможного продолжения курса «лечения», но, к моему немалому удивлению, они пошли навстречу моей просьбе и разрешили мне удалиться в одну из комнат дома. Прежде чем дать им шанс передумать, я запер дверь на засов и лег на пол, чтобы перевести дух и прийти в себя после всех испытаний.

Немного погодя я встал и попытался медитировать. В какой-то момент я услышал, как за дверью глава деревни обсуждает мой медицинский случай.

«Позвольте мне взять с этого мальчика обещание жениться и вести нормальную жизнь. Благодаря этим процедурам его безумие, должно быть, уже отступило».

Он постучал в дверь, я впустил его.

Стоя напротив меня, он произнес очень твердо: «Пожалуйста, пообещай мне, поскольку ты уже не безумен, что женишься, как все мы, и будешь вести обычную жизнь главы семьи». Я ответил: «Вместо этого я обещаю тебе, что стану *санныясином*».

При этом я сделал хлопок руками, чтобы показать ему, насколько серьезны мои намерения, и чтобы скрепить печатью свое обещание. Он вышел, не сказав ни слова.

Я услышал, как, оказавшись снаружи, он воскликнул: «А-й-йо! А-й-йо!»¹⁴ Когда я попросил его пообещать мне одно, он пообещал прямо противоположное!»

Моя семья не придавала никакого значения моему обеща-

¹⁴ Южноиндийское восклицание, выражающее удивление или шок.

нию. От навещавшей меня женщины я узнал, что отец мой по-прежнему строит тайные планы по приготовлению к свадьбе. Поэтому я решил, что пришло время и мне составить несколько тайных планов. Прежде всего я написал записку девушке, которую мне прочили в жены: «Мое намерение – стать санньясином. Я не хочу связывать себя жизнью домо-владельца. Потому не думай, что ты выйдешь за меня замуж. Это только сделает тебя несчастной».

Я попросил одного из людей отнести записку к ней домой и отправился в Чидамбарам¹⁵.

Там я решил принять *санньясу*, но сделал это безо всяких формальностей. Не желая просить кого-либо об инициации, я выполнил все сам.

Санньяса – четвертая и заключительная стадия жизни для ортодоксального индуиста. На этой стадии отказываются от всех связей с семьей и миром ради того, чтобы посвятить все свое время поиску единения с Богом, или просветления. Строго говоря, не следует становиться санньясином до тех пор, пока не получено достаточного количества знаний от своего гуру или главы одного из многочисленных орденов санньясинов. Тем не менее этими правилами нередко пренебрегают.

Я провел омовение в реке, обрил голову, повесил на шею ожерелье из семян рудракши и облачился в короткое дхоти и полотенце. Я вернулся в деревню в этом новом наряде и объ-

¹⁵ Знаменитый религиозный центр на юге Индии.

явил всем, что теперь я *санньясин*. Мой преображенный вид наконец убедил мою семью в том, что я настроен серьезно и не намерен жениться. Скрепя сердце они отказались от всех своих планов женитьбы, поскольку знали, что люди, становящиеся *санньясинами*, хранят обет безбрачия до конца своих дней.

Я возобновил свою повседневную практику и принялся строить планы по *кумбхабхишекаму* (ритуалу освящения) *матха*. Я пригласил несколько групп исполнителей *баджан* из близлежащих деревень и даже убедил своих родителей пожертвовать имеющиеся у них съестные запасы, купленные для моей свадьбы. Пожертвованная ими еда позволила мне накормить около четырехсот человек. Другие верующие, внесшие вклад в строительство Бхаджан Матха, приготовили для всех пришедших пахту, раги (вид проса) и рисовую похлебку. В день *кумбхабхишекама* приглашенные певцы *баджан* прошествовали через нашу деревню, исполняя их на каждой улице. Когда же ритуал *кумбхабхишекама* наконец-то начался, я провел собственную церемонию в уединении. Я выполнил *паду пуджу* («почитание стоп») в отношении родителей и по всей форме попросил их разрешения стать *садху*.

Пада пуджа – это церемония, в которой проводится ритуальное поклонение стопам другого человека. Обычно паду пуджу совершают по отношению к гуру или свами в качестве жеста великого уважения. Но она

также может быть проведена в отношении родителей или старших членов семьи, что происходит гораздо реже.

Я также попросил родителей благословить меня, чтобы моя духовная деятельность оказалась успешной. Оба они дали мне свое разрешение и благословили меня. Никто из них никогда более не пытался отговорить меня от следования духовному пути.

Несколько недель спустя я прознал, что Шанкарачарья из Канчипурама, совершавший одно из своих путешествий, планировал посетить мимоходом нашу деревню; тот самый Шанкарачарья, который направил Пола Брайтона к Бхагавану.

Рамана Махариши стал широко известен за пределами Индии в 1930-х, после того как Пол Брайтон, британский журналист, написал книгу-бестселлер об индийских святых и гуру, озаглавленную «Поиски в загадочной Индии». Брайтон приехал к Махариши по совету Шанкарачарьи из Канчипурама в 1930 году. Этот Шанкарачарья скончался в 1994 году в возрасте девяноста девяти лет, когда я готовил итоговый вариант этой книги.

Шанкарачарья Бхагаватпада, популяризатор адвайты, живший в IX в., основал пять матхов для распространения своего учения и поддержания ортодоксального индуизма. Один из них находится в южноиндийском городе Канчипураме. В каждом

из этих матхов существует непрерывная линия учителей, которую можно проследить до первого Шанкарачарьи. Глава каждого из этих матхов принимает имя «Шанкарачарья», когда начинается период его управления. Тот, кого встретил Аннамалай Свами, широко известен как один из святых современной Индии.

Когда я услышал эту новость, то решил попытаться сделать так, чтобы Шанкарачарья ненадолго остановился в нашей деревне, чтобы я мог получить его *даршан*¹⁶.

Зная, что в этой процессии будет принимать участие большое количество людей и животных, я решил, что лучшим способом действий будет предлагать всем им пищу и воду. Если я буду делать это, то каждому придется останавливаться на несколько мгновений, чтобы принять мои подношения.

В назначенный день я приготовил большое количество пахты и *канджи* для брахманов, которые должны были сопровождать его. Я также запасся зеленью, чтобы кормить лошадей и слонов. Когда процессия приблизилась к деревне, я носился туда-сюда вдоль шеренги, раздавая листья зелени. Шанкарачарью несли в паланкине, но я не мог его разглядеть, потому как занавеси были опущены. Когда я предложил *канджи* людям, несшим его, они решили остановиться и съесть мое подношение. Это заставило Шанкарачарью при-

¹⁶ *Даршан* означает «видение». В религиозном контексте «получить даршан» означает лицезреть храмовое божество или святого человека либо же быть лицезримым им.

открыть занавеси, чтобы посмотреть, в чем причина заминки. Я немедленно простерся перед ним.

Он молча смотрел на меня в течение нескольких секунд и затем сказал: «Через одну милю я остановлюсь на отдых. Ты можешь прийти и навестить меня в том месте».

Где-то в миле от нашей деревни находился городок под названием Вепур. Я узнал от одного из его сопровождающих, что там организована *бхикша* (подавание еды) и что Шанкарачарья остановится в Вепуре в муниципальной гостинице.

В нашей деревне жил субинспектор полиции, человек весьма набожный. Когда мы узнали, что Шанкарачарья остановился поблизости, оба мы отправились в Вепур повидаться с ним. Большое количество народу толпилось вокруг него, когда мы пришли, но мне, тем не менее, удалось пробраться настолько близко, чтобы коснуться его ног.

Сопровождающие его брахманы были недовольны, говоря: «Небрахманы не должны прикасаться к нему», но Шанкарачарья заставил их замолчать, сказав: «Он *брахмачари* и *садху*, так что ничего страшного».

Брахмачари — ученик, давший обет безбрачия, посвятивший себя духовному обучению. Брахмачарья — одна из четырех традиционных индуистских ступеней жизни. Называемых «ашрамами»). Когда обучение завершено, ученик, как правило, переходит на вторую ступень жизни — женатого главы семейства. Некоторые серьезные духовные искатели минуют эту стадию и всю свою жизнь остаются хранящими обет

безбрачия садху.

Одна из основных обязанностей Шанкарачарьи заключается в поддержании и укреплении традиционных принципов ортодоксального индуизма. В 1920-х гг. это влекло за собой строгое соблюдение кастовых правил, диктующих, что физический контакт между брахманами и низшими кастами и париями ведет к духовному загрязнению. В восприятии многих людей садху и санньясины выходят за пределы кастовой иерархии, так что подобное загрязнение им не грозит.

В наши дни правила межкастового взаимодействия вышли из широкого употребления, хотя некоторые приверженные традиции брахманы по-прежнему практикуют их.

Поскольку Шанкарачарья, как казалось, благоволил мне, я попросил его инициировать меня и дать мне *упадешу* (духовное наставление). Он дал мне *мантру* «Шивая Нама» для повторения и также велел написать ее один лакх (сто тысяч) раз. Успешно завершив свою миссию, я вернулся в деревню и принялся следовать его наставлению. Я купил несколько тетрадей и заполнил их *мантрой*. После этого я выполнил *джану* (непрерывное повторение) *мантры* и, кроме того, начал медитировать на нее.

Как-то, в 1928 году, когда мне был двадцать один год, через нашу деревню проходил странствующий садху. Он дал мне копию «Упадеши Ундияра», содержащую фотографию

Шри Раманы Махарши. Как только я увидел эту фотографию, то почувствовал, что это мой Гуру. Одновременно у меня возникло сильнейшее желание отправиться к нему.

«Упадеша Ундияра» – это состоящая из тридцати стихов философская поэма, написанная Раманой Махарши на тамильском. Впервые она была опубликована в 1927 году, где-то за год до того, как ее увидел Аннамалай Свами. «Упадеша Сарам» – санскритский перевод Шри Раманы той же работы. Некоторые английские переводы, появившиеся под названием «Упадеша Сарам» – по сути переводы «Упадеши Ундияра», оригинальной тамильской работы.

Той же ночью мне приснился сон, в котором я увидел Раману Махарши, идущего от подножия склонов Аруначалы к старому холлу. На его пороге он омыл ноги водой, которую носил с собой в специальном сосуде. Я приблизился к нему, простерся к его ногам и почти лишился чувств, поскольку потрясение мое от полученного *даршана* оказалось слишком сильным. Пока я лежал на земле с открытым ртом, Бхагаван лил в него воду из своего сосуда. Помню, пока лилась вода, я все повторял: «Махадева, Махадева» (одно из имен Шивы). Прежде чем развернуться и выйти из холла, Бхагаван пристально посмотрел на меня несколько секунд.

«Холлом», или «старым холлом», называют строение, в котором Шри Рамана жил и учил между

1928 и 1940 гг. Бхагаван – санскритское слово, означающее «Господь». Большинство последователей обращались к Шри Рамане «Бхагаван». Они именовали его так и тогда, когда говорили о нем в третьем лице.

Проснувшись на следующее утро, я решил, что должен немедленно отправиться к Бхагавану и получить его *даршан*. Сообщив родителям о том, что планирую покинуть деревню, я пошел в Баджан Матх, чтобы попрощаться со всеми. Некоторые начали плакать, поскольку подозревали, что я не вернусь. Я попросил у них разрешения покинуть их и, получив его, в тот же вечер ушел из деревни. Я больше никогда не возвращался назад. Некоторые верующие, понимая, что у меня нет никаких средств для жизни, собрали немного денег и отдали их мне в качестве прощального подарка.

Я решил проделать двадцать пять миль до соседнего города под названием Уллундерпеттай, так как слышал, что оттуда шел поезд в Тируваннамалай – город, в котором жил Рамана Махарши. Однако прежде чем я начал путешествие, через деревню проехала колонна повозок, запряженных волами, направляющаяся в Уллундерпеттай. Верующие селяне договорились с одним из возниц о том, что он захватит меня с собой. Поездка длилась всю ночь, но я был слишком возбужден, чтобы спать. Всю ночь я провел, сидя в повозке, думая о Бхагаване.

В Уллундерпеттае я разделил еду с возницами, прежде чем сесть в поезд на Тируваннамалай. Поначалу я хотел от-

правиться прямо туда, но когда один из пассажиров поведал о том, что Шанкарачарья остановился неподалеку от одного из городов, через которые шел поезд, я решил сначала повидаться с ним и получить его благословение. Я сошел в Тирукойлуре (в пятнадцати милях к югу от Тируваннамалай) и добрался до Пудупа-лаяма, деревни, в которой остановился Шанкарачарья. Я нашел его, выполнил перед ним *намаскарам* и сказал, что получил его *даршан* в Вепуре.

Намаскарам – это либо простираание, либо жест почтения, при котором ладони рук складывают вместе таким образом, что большие пальцы касаются грудной кости. На протяжении всей книги это понятие будет употребляться в первом значении.

Шанкарачарья внимательно смотрел на меня несколько секунд. Затем с улыбкой узнавания сказал: «Да, я помню тебя». «Я на пути к Рамане Бхагавану, – сказал я ему. – Пожалуйста, дай мне свое благословение».

Шанкарачарья, казалось, был очень доволен слышать эту новость. «Очень хорошо!» – воскликнул он. Он повернулся к одному из своих сопровождающих и велел ему дать мне еды. После того как я закончил есть, Шанкарачарья насыпал на тарелку немного *вибхути* и прикрыл сверху ладонями, чтобы освятить его. Затем он поместил на тарелку половину кокоса и одиннадцать серебряных монет и вручил ее мне. Я взял деньги, вибхути и кокос и вернул ему тарелку. Чувствуя, что теперь я получил благословение, которого ис-

кал, я простерся перед ним, покинул деревню и продолжил свой путь в Тируваннамалай.

Когда я прибыл в Тируваннамалай, мне сказали, что там находится другой великий святой по имени Шешадри Свами и что очень благоприятно получить его *дариан*, прежде чем отправиться дальше, в Шри Раманашрамам – ашрам, где жил Рамана Махарши.

Шешадри Свами, подобно Рамане Махарши, приехал к Аруначале в юности и оставался там до конца своей жизни. Бродя по городу Тируваннамалай, он обычно вел себя столь эксцентрично, что многие считали его сумасшедшим. Однако он восстановил свою репутацию в глазах окружающих, обнаружив удивительное количество сверхъестественных способностей, которыми он охотно щеголял. Хотя некоторые из его способностей использовались традиционным путем вроде проведения чудесных исцелений, сам он был более склонен демонстрировать их причудливым и непредсказуемым образом. Например, порой в качестве благословения он крушил торговые лавки на тируваннамалайском базаре. Хозяева лавок приветствовали его разрушительное поведение, ибо по опыту знали, что ущерб будет многократно возмещен в последующие недели либо посредством огромного роста доходов, либо возвращением давно забытых долгов.

Когда в 1896 году Рамана Махариши приехал в Тируваннамалай, Шешадри Свами одним из первых признал его величие. Он стремился защитить Бхагавана от лишних волнений и порой называл его своим младшим братом. Бхагаван питал к Шешадри Свами огромное уважение. После того как Аннамалай Свами рассказал Бхагавану о своей встрече с Шешадри Свами (которой посвящено несколько абзацев в воспоминаниях Аннамалай Свами), Бхагаван заметил: «В этом городе нет ни одного места, где бы не побывал Шешадри Свами, но он никогда не попал в ловушку к майе (иллюзии)».

Шешадри Свами скончался в 1929 году, спустя несколько месяцев после прибытия в Тируваннамалай Аннамалай Свами. Его самадхи, до сих пор привлекающее толпы людей, находится в четырехста метрах от Шри Раманаширамама.

В своих воспоминаниях об их встрече Аннамалай Свами упоминает о том, что они встретились в мандапаме. Мандапам – индуистское архитектурное сооружение, как правило, зал, обрамленный каменными колоннами. У мандапама всегда есть крыша, но, как правило, отсутствуют стены.

Шешадри Свами не обитал в определенном месте, но мне вскоре удалось обнаружить его в мандапаме, который находился рядом с главным храмом. Найти его было легко, поскольку перед мандапамом толпилось около сорока-пятиде-

сяти человек, ожидающих его выхода. По всей видимости, он заперся изнутри. Когда я заглянул в одно из окон, то увидел, что он без остановки ходит кругами вокруг одной из внутренних колонн. Прodelав это около десяти минут, он вышел, сел на камень и скрестил ноги. Я принес ладду¹⁷, которую намеревался поднести ему, но замешкался, не зная, что с ней делать. Шешадри Свами, должно быть, почувствовал мою нерешительность, поскольку взглянул на меня и жестом велел положить ладду на землю перед ним.

Было очевидно, что Шешадри Свами некоторое время жевал орех бетеля¹⁸.

Смесь красного сока и слюны капала у него изо рта, стекая по бороде и падая на землю. Шешадри Свами поднял мою ладду, смочил ее смесью слюны и бетеля, повисшей у него на бороде, и швырнул ее на близлежащую дорогу. Когда она развалилась на части, толпа бросилась собирать их в качестве *прасада*. Мне тоже удалось подобрать и съесть кусочек.

Все, что преподносится божеству или святому человеку, становится прасадом, когда возвращается к дарителю или раздается людям. Еда – наиболее распространенная форма прасада.

Группа местных людей была рассержена на Шешадри Сва-

¹⁷ Большая шарообразная сладость.

¹⁸ Бетель – твердый темно-красный орех. Считается, что его сок помогает пищеварению. Его часто едят вместе с вспрыснутыми лаймом зелеными листьями. В такой комбинации он называется «паном».

ми. Он утихомирил их, швырнув в их сторону несколько камней. Эти камни, вместо того чтобы пролететь по обычной траектории, подскочили и протанцевали над их головами, подобно бабочкам. Люди, в которых он бросил камни, испугались и бросились прочь. Им явно не хотелось связываться с человеком, обладавшим сверхъестественными силами такого уровня.

Когда я вернулся и снова встал рядом с Шешадри Свами, он начал кричать на меня весьма оскорбительным образом: «Этот дурак приехал в Тируваннамалай! Тупица! Зачем он здесь?»

В таком духе он продолжал некоторое время, давая понять, что я лишь потратил свое время, приехав в Тируваннамалай. Я подумал, что совершил какой-то ужасный грех, раз великий святой оскорбляет меня таким образом. Я расплакался, поскольку решил, что меня прокляли.

В какой-то момент человек по имени Маникка Свами, помощник Шешадри Свами, подошел ко мне и утешил со словами: «Твой приезд в Тируваннамалай будет успешным. Ты получишь все, ради чего приехал сюда. Такова манера Шешадри Свами давать благословение. Оскорбляя людей, на самом деле он благословляет их».

Маникка Свами затем отвел меня в отель, которым владел приверженец Шешадри Свами.

Он сказал хозяину: «Шешадри Свами только что дал свое благословение этому человеку. Пожалуйста, накорми его

бесплатно».

Я не был особенно голоден, но уступил просьбе хозяина и поел. Когда я съел достаточно для того, чтобы угодить ему, то встал и прошагал оставшееся расстояние к Шри Раманашрамаму.

Я добрался туда где-то в час дня. Когда я подошел к холлу, часть сна, который приснился мне в деревне, вновь повторилась в реальности. Я увидел, как Бхагаван спустился вниз по холму, пересек ашрам и задержался у входа в холл, оmyвая ноги водой из своего *камандалу* (сосуда с водой). Затем он вошел внутрь. Я окропил голову небольшим количеством этой воды, сделал несколько глотков и тоже вошел внутрь, чтобы встретиться с ним. Бхагаван сидел на своем диване, в то время как его служитель по имени Мадхава Свами вытирал ему ноги куском ткани. Несколько минут спустя Мадхава Свами ушел, оставив меня в холле наедине с Бхагаваном. Я купил для него небольшую упаковку изюма и сахарных конфет. Положив их на столик, стоявший рядом с софой Бхагавана, я простерся перед ним. Когда я встал, то увидел, что Бхагаван пробует мое подношение. Глядя, как он глотает, я подумал, что мое подношение отправилось прямо в желудок Шивы.

Я сел, а Бхагаван в течение десяти-пятнадцати минут пристально смотрел на меня, не говоря ни слова. Меня охватило огромное чувство физического облегчения и расслабления, пока Бхагаван смотрел на меня. Я почувствовал, как чу-

десная прохлада наполнила мое тело. Словно я погрузился в прохладный водоем после пребывания на жарком солнце.

Я попросил разрешения остаться, что было охотно позволено. Мне предоставили маленькую хижину, и первую неделю я жил в ней в качестве гостя ашрама. В течение тех первых дней я либо собирал цветы для *пудж*, проводимых в ашраме, либо просто сидел в холле рядом с Бхагаваном.

Дни шли, а я все сильнее и сильнее убеждался в том, что Бхагаванмой Гуру. Ощущая настойчивую потребность осесть в ашраме, я спросил Чиннасвами, младшего брата Бхагавана, могу ли я работать в ашраме. Чиннасвами одобрил мою просьбу и сказал, что я могу служить помощником Бхагавана. В то время Мадхава Свами один выполнял эту работу.

Чиннасвами сказал мне: «Мадхава Свами – единственный служитель в данный момент. Всякий раз, когда он будет покидать холл или удаляться на отдых, тебе следует оставаться с Бхагаваном и заботиться обо всех его нуждах».

Где-то спустя десять дней после моего приезда я спросил Бхагавана: «Как избежать страдания?». Это был мой первый духовный вопрос, заданный ему.

Бхагаван ответил: «Знай и всегда держись Я. Не придавай значения телу и уму. Отождествлять себя с ними и есть страдание. Погрузись глубоко в Сердце, источник бытия и покоя, и упрочься в нем».

Затем я спросил его, как мне достичь реализации Я, и он

дал мне похожий ответ: «Если ты прекратишь отождествлять себя со своим телом и будешь медитировать на Я, которым ты уже являешься, ты сможешь достичь Я-реализации».

Пока я размышлял над этими высказываниями, Бхагаван удивил меня, сказав: «Я ждал тебя. Все думал, когда же ты придешь».

Будучи новичком, я все еще слишком робел перед ним, чтобы поддержать разговор и спросить, откуда он знал или как долго он ждал. Тем не менее я пришел в восторг, услышав такие слова, поскольку они подтверждали то, что остаться с ним было моим предназначением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.